

18+

Никита Сатарев

**А ОСЕНЬ ЕЩЕ
ДАЛЕКО**

Сборник рассказов

Никита Сатарев

**А осень еще далеко.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Сатарев Н.

А осень еще далеко. Сборник рассказов / Н. Сатарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505305-3

Рассказы содержат истории, которые могли происходить с каждым из нас в тот самый долгий период жизни, когда все свободное время мы проводили на улице, а взрослая жизнь была еще так далека. Герой рассказов — мальчик, детство которого проходило в 80—90-е годы.

ISBN 978-5-00-505305-3

© Сатарев Н.
© Издательские решения

Содержание

Побег	6
Опята или любовь на мусорке	10
Брат	14
Летний день	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А осень еще далеко Сборник рассказов

Никита Сатарев

Корректор Ксения Ложкина

© Никита Сатарев, 2021

ISBN 978-5-0050-5305-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Побег

Я терпеть не мог ходить в детские ясли, как, впрочем, после и в садик, и в школу. В ясли меня отдали в 9 месяцев, сразу, как только я начал ходить. Кто, спрашивается, заставил меня так рано пойти?! Валялся бы себе преспокойненько дома, жуя кашу, которую, к слову, я тоже терпеть не мог, окруженный заботой и вниманием родственников. Судя по рассказам близких, малышом я был вредным. Ночами я отчего-то практически не спал, превращая это время для своих родных в пытку, закатывая еженочные концерты. Со мной нянчились по очереди, смеяняя друг друга на посту. Одной очередной, отнюдь не прекрасной ночью, когда отец заступил в караул, не выдержав моего сольфеджио, он сказал мне в раздраженной форме: «Ну, что ты все орешь да орешь, чего тебе не спится-то?! Сейчас в унитазе тебя утоплю, если не замолчишь!» На мое счастье угрозу услышала бабушка, отправила папу спать и заступила на дежурство от греха подальше. А так, кто знает, пришлось бы, может, в младенчестве сгинуть в фекальных водах канализации, если бы ни она!

Как я уже упоминал, в ясли меня отправили в 9 месяцев. Родителям нужно было продолжать учебу в университете, совмещая ее с работой, а бабушке с дедушкой работать.

Скорее всего, ясли я невзлюбил сразу. С того момента, как я себя помню, ясли я уже ненавидел. Мои первые воспоминания с ними начинаются лет с двух. Я ненавидел там все: дневной сон, кипяченое молоко с отвратительной пенкой на полдник, постоянный контроль со стороны воспитателей, запах кислых щей, полнейший тоталитарный режим в стенах этого богоугодного заведения. А самое страшное во всем этом была разлука с моими близкими. Каждое утро я просыпался с отвратительным настроением, предвкушая, что нужно опять идти в эти проклятые ясли, закатывал истерики, пытаюсь играть на самых чувствительных струнах моих родных. Родные прислушивались, страдали, видя мою агонию, но каждый раз отводили меня туда. Такие концерты я закатывал каждое утро за исключением выходных дней, когда я мог набраться сил и подлечить нервы для новых утренних, будничных истерик.

Вот об одном из таких дней, я и хочу поведать... Меня, как всегда, привели в ясли ранним утром. Естественно, настроения у меня не было никакого, а вернее, оно было отвратительное и плаксивое. В унылых чувствах прошла первая часть моего дня, пришло время дневного сна. Все дети улеглись по своим кроватям и постепенно заснули. Периодически в комнату входила воспитательница с видом надзирателя, с реденькими усиками над верхней губой и сурово приказывала, тем, кто еще маялся от бессонницы: «Так, все быстренько положите ручки под голову и спать!» Я положил, как и было приказано, руки под голову. Было неудобно. В такой неестественной позе я никогда не спал, но руки все же из-под головы не вынимал, боясь кары надзирательницы. Через некоторое время она оставила нас в покое, и я уже безбоязненно мог смотреть в окно, наблюдая за радостной и свободной жизнью, которая протекала вне этого воспитательного учреждения. Из окон доносилось беззаботное щебетание воробьев, летел пух, напоминая хлопья мокрого снега. Зеленая листва купалась в ярких лучах солнечного света. Небо, которое пробивалось сквозь зелень, было ласково голубым с пухлыми, кудрявыми облачками, которые напоминали крем от пирожного. Моя душа рвалась на волю, к теплым лучам и купающимся в лужах воробьям, но организм медленно сдавался под натиском дневного сна. Мои глаза наливались свинцом, и я уже не мог держать веки в открытом состоянии. В голове сделалось как-то пусто, но уютно, мысли рассеивались. Я уснул и оказался в удивительном сне.

Там так же чирикали вездесущие воробьи, некоторые смешно плескались нахохлившись в лужах. Отчего они делались похожими на серые, лохматые шарики. Я шел с мамой за руку за новой игрушкой в магазин «Культтовары», иногда припрыгивая и шлепая сандалиями по лужам. Мама говорила со мной почему-то бабушкиным голосом: «Вот шило в попе»! А я думал, как это шило может поместиться в моей худосочной попе, ведь оно же большое

и острое. А мама продолжала говорить бабушкиным голосом: «Не успокойся, отдам тебя соседям на воспитание!» Я не сильно огорчился, так как мало верил в вероятность сего, но стал вести себя тише, на всякий случай, чтобы не будить в «бабемаме» зверюгу. «А то еще игрушку не купит,» – подумал я! Вот мы подходим к магазину, почему-то до него было идти неслыханно долго, поднимаемся по лестнице, открываем тяжелую и холодную дверь, и я вижу прилавок, за которым стоит толстая и неприветливая продавщица, которая почему-то уж очень похожа на нашу повариху. Я подошел к прилавку и стал рассматривать модельки автомобилей. Больше всего мне понравилась серебристая «Волга». Она была просто великолепна: у нее открывались все двери, в черном игрушечном салоне был виден руль, как у настоящего автомобиля. Капотик у нее тоже открывался, под ним находился маленький хромированный моторчик. О такой машинке я мечтал уже очень давно, наверное, с месяц, как увидел ее у одного мальчика из нашего двора. Удивительным образом автомобильчик оказывается у меня в руках, я ощущаю его прохладный, гладкий лакированный металл, ощущаю запах новой игрушки, трогаю малюсенькие каучуковые колесики. Сердце переполняет жутчайший восторг, и хочется заверещать диким голосом. Я предвкушаю множество счастливых дней, которые мы с машинкой проведем вместе, завистливые лица сверстников во дворе, которые будут угощать меня конфетами и другой разной снедью, только бы поиграть с «Волгой». Но моя «Волга» выскальзывает из рук, картинка плывет, издали доносится крайне неприятный голос. Вдруг я опять ощущаю мягкую прохладу металла моей игрушки, но голос опять заставляет машинку исчезнуть, настроение у меня начинает портиться, неприятно ноет в груди, и хочется расплакаться. Я уже совсем отчетливо слышу голос, он совсем неприятный и очень знакомый: «Так, дети, а ну, просыпайтесь на полдник! Кто не успеет одеться к обеду, будет есть раздетым». Я окончательно проснулся и открыл глаза. «Это был всего лишь сон, и «Волги» у меня нет. «Я слез с кровати и стал натягивать коричневого цвета колготки, которые были растянуты на коленках и пятках до безобразия. Я в них себе напоминал «балеруна», которого видел по телевизору. Он танцевал в короткой маечке, в белых, сильно, облегающих колготках. Он произвел на меня тогда странное впечатление. Мне казалось то, что он делал, постыдным занятием, и вид его вызывал такие же чувства. Уж очень колготки его были облегающими.

«Ну, что ты копаешься, а ну одевайся быстрее и иди чистить зубы.» – вырвал меня из моих размышлений голос усатой. Я подчинился приказу и отправился чистить зубы.

Настроение мое стало еще более отвратительным, когда я увидел накрытые для нас столы с теплым кипяченым молоком и пряниками. В топленом, чуть желтоватом молоке плавала отвратительная белая пенка. Мне потихоньку становилось дурно, неприятный ком подступал к горлу. Нас рассадили за столы и заставили полдничать. От запаха теплого молока мне стало еще дурнее, я выловил ложечкой отвратительную пенку, заткнул нос и залпом осушил полстакана. На секунду мне показалось, что меня должно вот-вот вывернуть наизнанку, но я справился с подступившим рвотным позывом, вдохнул в легкие побольше воздуха, заткнул нос и выпил оставшееся молоко. Пряник я жевал уже всухомятку. Оставлять ничего недоеденным и недопитым было нельзя, можно было нарваться на грубость воспитателей. Тем более, что наша воспитательница была с самого утра на меня зла за то, что я вкатал жвачку одной не очень нравившейся мне девочке в волосы. Пришлось выстригать солидную прядь из ее белокурых, пушистых, курчавых, как у ангела, волос. После этого прическа ее выглядела весьма забавно, с заметной плешью среди прекрасных локонов. Жвачки у нас в городе были редкостью и настоящим деликатесом, мне их обычно покупал дед, если те были в продаже, когда мы с ним вместе ходили в хлебный магазин. Этот мятный квадратик жевательной резинки можно было разгрызть только с риском разрушения собственных молочных зубов, уж очень он был тверд. Жвачка приятно скрипела латексом на зубах, но через некоторое время начинали уставать челюсти. Ощущение было такое, что я пытаюсь разжевать автомобильную шину. Ну вот я

и решил после того, как у моей жвачки пропал сладкий вкус и устали челюсти, наказать противную девчонку таким изощренным способом.

После полдника нас выводили на прогулку. Назад нас больше не заводили, так как в следующие часа два нас всех разбирали по домам. Нашу группу вывели строем на игровую площадку на территорию яслей, которые были огорожены деревянным забором, и отпустили гулять. Лазить по железным петухам, ракетам мне не хотелось. Девчонки уже дружно расположились под навесом и стали слаженно играть в свои скучные девчачьи игры. Мальчики хаотично носились по всей прогулочной территории, создавая невероятное количество громких визжащих и кричащих бестолковых звуков. Словно они длительное время пребывали заперти и от замкнутого пространства немного помешались рассудком. «Оля, за тобой дедушка пришел,» – позвала воспитательница. Ольга с радостью бросила своих осиротевших подруг и поскакала к дедушке, который поджидал ее, стоя с улыбкой рядом с воспитательницей. Меня почти никогда не забирали первым, и я завидовал этой Оле черной завистью. Мне так хотелось тоже проскакать радостно через всю игровую площадку и отправиться под руку с дедом восвояси. Захотелось плакать, и я принялся в одиночестве бродить вдоль забора, пиная ногами попадавшие у меня на пути палки и сучья. Вдруг я обнаружил, что в заборе не хватает одной доски, словно в ровном ряду зубов переднего зуба. Я заглянул в дыру, через нее веяло сладким запахом свободы. Я видел свой дом, рядом с которым и располагались мои ясли. В нашем дворе мирно покачивались старые тополя, под их кронами двор казался защищенным и очень уютным. Стояла лошадь с тележкой, Грузчики разгружали товар, привезенный в магазин, который находился на первом этаже нашего дома. Кляча стояла, равнодушно глядя вниз, подергивала грязным хвостом. Это животное как-то раз больно укусило меня, когда я решил угостить его яблоком. Эти огромные желтые зубы мне остро въелись в память вместе с физической болью. После этого лошадь я больше не кормил и даже побаивался. Я оглянулся назад. Оказывается, прогуливаясь в одиночестве вдоль забора, я зашел за здание яслей, откуда не был виден ни детям, ни воспитательнице. Посмотрел снова в прорезь в заборе и понял: это шанс! Просунул ногу в дыру, протиснул полтуловища, потом голову – и вот я весь уже был на свободе. Горло и грудь сжимало от переполнявшего чувства опасности, захотелось бежать со всех ног что есть мочи. И я побежал! Я бежал изо всех сил, мои сандалии готовы были слететь с ног. Я пересек двор со скоростью ветра. Соседки при виде меня перестали болтать и устали на меня с нескрываемым удивлением. Делая вид, что я их не замечаю, быстро юркнул в подъезд и пулей поднялся на второй этаж. Мое сердце колотилось от возбуждения, стремясь выскочить из груди. Не в силах больше справляться с переполнявшими меня чувствами, я разрыдался. Утирая слезы грязной ладонью и оставляя на лице темные дорожки, я нажал на звонок. Я стоял, плакал и ждал, что вот-вот дверь откроется и дед будет удивлен, но очень рад меня видеть. Но никто не открывал, тогда я стал стучать в дверь руками. «Деда, открой, это я, твой внук Никита,» – звал я. За дверью было тихо. «Дедуля, миленький, открой, это я,» – позвал я еще раз в надежде достучаться до деда. Дверь не открывалась, за ней была мертвецкая тишина, которая была нарушена далекими шагами в подъезде. Кто-то поднимался вверх по лестнице. Я стоял лицом к закрытой двери, беспомощно глядя снизу вверх на дверную ручку. По щекам текли слезы градом, неприятно щекоча их, а тем временем шаги становились все ближе и ближе.

Я слышал, как они неумолимо приближались к нашему пролету. «Никит, а почему ты не в яслях? Как же это ты так ушел? Один что ли?» – послышался голос соседки. Видимо, она решила проследовать за мной. Голос ее звучал удивленно и даже приветливо. Я стоял, не поворачиваясь, и продолжал плакать. Она подошла ко мне и осторожно повернула, взяв за плечо. «Чего ты тут делаешь, а?» – поинтересовалась она. «Я к деду хочу», – сквозь слезы пробормотал я. «Так ведь он же на шахте, в дневную смену сегодня. Его нет дома».

Дед работал на шахте иногда в ночную смену, тогда он днем был дома, и я это знал.

От отчаяния я стал реветь еще сильнее. Мне ведь так хотелось домой, невозможно было представить, что придется сейчас возвращаться снова в ясли. Тем более, я уже себе успел надумать совершенно другую картину. «Пойдем, я отведу тебя назад,» – она взяла меня за руку и повела за собой. Я не сопротивлялся, понимая, что это бесполезно, что обречен. Мы вышли из родного, темного, прохладного и полусырого подъезда и направились в сторону яслей. «Тебя скоро заберут, чего ты плачешь? А в ясельках хорошо! С детишками поиграешь. Как же ты это так умудрился удрать?» – ласково тороторила соседка..

А я плелся рядом с ней и продолжал реветь.

Опята или любовь на мусорке

Наши дома были окружены небольшим лесом, где мы и проводили большую часть своего времени. Как-то раз со Славиком в самом начале сентября мы отправились за опятами. Про их существование мы узнали из какого-то школьного рассказа, который мы читали на уроке на днях. Видеть мы их не видели, но из рассказа почерпнули, что они растут кустиками на пнях (картинка этих грибов в книжке тоже имелась). На ней грибы были коричнево-желтенькие, все с кривыми ножками и с юбочками возле шляпки. Росли они на гнилом сером пне, окруженном осенней травой и желтыми листьями, именно кустиками. Не знаю, что в этом рассказе или картинке нас так могло заинтересовать, но за опятами мы твердо решили отправиться. Встретились мы с другом у меня во дворе, как заранее и договаривались, у каждого было по целлофановому пакету и перочинному ножу. По дороге Славик рассказывал мне про книгу, которую он недавно прочитал, при этом деловито поправлял указательным пальцем левой руки очки на переносице, которые у него периодически съезжали на нос. В такие минуты я начинал его ненавидеть, мысленно пред глазами вставала моя мама и корила меня за то, что я не такой, как Славик, и читаю только из-под палки. Она мне его всегда ставила в пример за его любовь к чтению, а для меня это занятие было мукой несносной. Я его не особо слушал, страдая от мучавших меня угрызений совести, а Славик мне рассказывал о фашистах, партизанах, о каких-то героях и предателях. Я ждал, когда же он прекратит это интеллектуальное издевательство. Хотя занудой Славик не был совершенно. Он был моим лучшим другом. Вот только эта его отвратительная, отталкивающая любовь к книгам! К моей великой радости, Славик не стал углубляться в подробности прочитанного им произведения, так как мы оказались уже в лесу и нужно было сконцентрироваться на поиске пней с грибами на кривых ножках в юбках. Побродив немного, мы нашли немного сыроежек и старый руль от грузовика. Сыроежки отправились в пакеты, а руль мы решили поджечь и устроить муравьям в муравейнике «дымовуху». Мы всегда с собой таскали спички на всякий случай: костерок разжечь, устроить бомбежку муравьям капающим горящим целлофаном, поджечь тополиный пух... Да мало ли что можно было сжечь или сделать приятного при помощи спичек. Вот и в этот раз они у меня, конечно же, оказались в кармане! К сожалению, руль никак не хотел загораться, и мы оставили эту затею на счастье муравьям, зашвырнув противный руль подальше, проследив его полет глазами. Вдруг на месте приземления руля я заметил пенек, и на нем, как на картинке росли желтенькие кривенькие грибочки, как и было показано на картинке. «Славик, посмотри, вроде опята,» – обрадовался я, подбежав к пню. Славик опять поправил указательным пальцем очки и подошел поближе, присел на корточки возле пня и, прищурясь, словно крот, стал внимательно разглядывать пенек. «Славик, это же вроде они?» – поинтересовался я опять. «Да, вроде они,» – ответил он, очевидно, мысленно сравнивая увиденное с картинкой. Даже травка была такой же пожухлой и листики вокруг такие же желтенькие, как на картинке в учебнике. Обрадовавшись, мы стали руками ломать опята за ножки, как это и было описано, только почему-то характерного хруста не было, но особого значения мы этому не придали и с радостью совали грибы в пакеты. Ободрав все грибы с пня, мы отправились дальше. Под ногами приятно шелестели опавшие разноцветные листья, пахло прелостью. Сквозь кроны деревьев и туман пробивалось мутное, уставшее сентябрьское солнце, лучи которого еще слабо, но грели. В лесу не было слышно щебета птиц, было совершенно тихо, лишь наши шаги нарушали звонкую тишину. Я рассказал Славике анекдот про зайца, который, видя в туалете круглую дырку, вспомнил песенку со словами «Встаньте дети, встаньте в круг», встал в круг и провалился. Мы вместе поохотились над придурковатым зайцем. Пройдя еще с пару шагов, мы опять наткнулись на опят. Дружные семейки стояли, тесно сгруппировавшись на корнях старого дерева. Славик, одурев от счастья, стал судорожно срывать их с корня и запихивать к себе в пакет, я последовал его

примеру. Таким образом, наши целлофановые пакеты заполнились наполовину, а корни дерева осиротели, оставшись только кое-где с обломанными ножками от опят. Довольные мы отправились обшаривать лес в поисках заветных пней и корней дальше. Нам подалось множество разноцветных сыроежек, кое-где в траве прятались одинокие подберезовики, но опят больше не было. Побродив еще по лесу около получаса и решив, что грибов у нас уже достаточно, мы решили возвращаться в сторону дома. Слава чуть было опять не начал рассказывать о каком-то прочитанном им произведении, но я вовремя прервал его, переведя тему разговора в другое русло. У меня от голода урчало в животе, о чем я сообщил моему другу. «А ты попробуй съесть сыроежку, ее же можно сырой есть!» – предложил он совершенно серьезно. Я достал из пакета одну синенькую сыроежку с белой упругой ножкой и понюхал ее. Она пахла приятно сыростью и лесом. Я отломил один белоснежный лепесток бахромы под шляпкой и положил себе в рот. «Да чего ты боишься, лопай смело, говорят же тебе, ее можно и сырой.» С этими словами он отобрал у меня гриб, отщипнул от него кусок и положил себе в рот. Я смотрел, как Слава со знанием дела его медленно и тщательно пережевывает. Глаза у него были совершенно спокойны, а лицо невозмутимо. «Слушай, а глисты не заведутся, ведь он же грязный,» – поинтересовался я. «Глисты в глисте не заводятся,» – ответил он, намекая на мое стройное телосложение. Я не обиделся, забрал у него обкромсанную сыроежку назад и откусил от нее немножко. Вкус был пресным, немного каким-то сыроватым, на зубах захрустел песок. Я проглотил. «Ну и как?» «Никак, – ответил я, – безвкусная какая-то». «Ее бы с черным хлебом и с солью, тогда было бы другое дело». «Ага, с солью не то что сыроежку, но и кашку съесть можно,» – пробурчал я и отшвырнул гриб в сторону. «А ты знаешь, во время войны партизаны иногда так и питались в лесах, когда есть ничего другого не было!» – задумчиво, с умным видом продекламировал он. «Вычитал опять где-то, умник,» – подумал я про себя и промолчал. Где-то вдалеке мы услышали голоса мальчишек. Между деревьями мы увидели силуэты, их было четверо. Так как всех ребят в округе мы знали, то решили отправиться им навстречу. Ребята нас тоже заметили, кто-то свистнул и заорал: «Эй, пацаны!» Кто-то замахал рукой. Подойдя, мы поинтересовались, что они тут делают. «Да решили шалаш построить где-нибудь, а то во дворе никого и делать нефига!» – заявил Самсон. Это была его фамилия, но звали его всегда именно Самсоном. Так как звучала она необычно, то и клички ему никто не придумывал, как это обычно бывает во дворах. «А чего это вы там насобирали?» – указывая на наши пакеты, спросил Игорь. Он был маленького роста, очень щуплого телосложения, смуглый, с тонкими чертами лица, но очень быстрый и сильный, умел подтягиваться более 20 раз. Во дворе среди ровесников он пользовался уважением. «За опятами ходили,» – ответил я и открыл пакет, чтобы похвастаться количеством собранных грибов. Он заглянул в пакет, и глаза его приняли изумленно-удивленный вид. «Так это же ложные опята, кого фига вы их насобирали!». Славик удивленно открыл пакет и заглянул внутрь. «С чего ты взял, что они ложные?!» – спросил я.

«А ты их пожарь и сожри, тогда узнаешь!» – с издевкой ответил Игорь. Остальные пригляделись разглядывать содержимое наших пакетов, после чего закатились от смеха.

Больше всего меня раздражал смех Самсона, который выглядел наиболее издевательским на фоне других. Его пухлые щечки вздрагивали от смеха, как желе, я еле сдерживал себя, чтобы не дать ему кулаком по одной из них, тем более, что необъяснимую неприязнь я испытывал к нему всегда. «Давайте, пойдем в „банку“ сыграем, – предложил кто-то из ребят. – Тем более, что народу сейчас будет достаточно. А?» «Да не, мне домой надо, – ответил Славик. – А то с братом сидеть надо, родители в гости уходят скоро». Мое настроение было изрядно подпорчено, и я тоже отказался от игры в «банку». Тем более, я не хотел дальше выслушивать от ребят колючих шуток по поводу моих грибных познаний. Ребята с нами попрощались и отправились, вероятно, строить шалаш, а мы, осмеянные, поплелись в сторону дома. Пройдя несколько шагов молча, я остановился и вывалил грибы из пакета на траву. Я выбрал из общей кучи сыроежки и несколько подберезовиков и положил на дно пакета. Славик проделал то же

самое. Теперь содержимое наших тар было не столь увесистым. Мы пошли дальше, а на траве остались две желто-оранжевые кучки невзрачных грибов с кривенькими, обломанными ножками.

«Вот какая-нибудь белка обрадуется, найдя, эти две кучи, – подумал я про себя, – сможет все дупло грибами забить и грызть холодными зимними вечерами». Мы шли по лесу молча, уже не обращая внимания на грибы, а иногда специально наступая ботинками на поганки, которые произрастали в этой части леса в изобилии.

В конце леса недалеко от жилых домов находились баки для мусора, которые были с трех сторон огорожены забором из железных листов, покрашенных зеленой краской. Краска была выцветшей, проедена кое-где коричневой ржавчиной и облетала зелено-коричневыми чешуйками. Над мусоркой витал кисло-тухлый запах гниения органических отходов. Неожиданно наше внимание привлекли звуки голосов и всхлипывание. Заинтересовавшись, мы со Славиком подкрались как можно тише и незаметнее на цыпочках к зеленому забору. Некоторые листы железа на ограждении были на стыках загнуты, так что через них мы могли замечательно видеть, что происходит по другую сторону и оставаться при желании незамеченными. Мы увидели толпу девчонок, которые, как нам казалось, были уже совершенно взрослыми, потому что были нас старше, лет одиннадцати-тринадцати! Их было человек десять. Они стояли группой. Вид у них был решительный и сосредоточенный, некоторые ехидно улыбались. Метрах в двух от них стоял мальчик, примерно того же возраста, что и они. Плечи и голова его были опущены вниз, глаза смотрели под ноги на домашние тапочки, в которые он был обут. В левой руке у него повисло мусорное ведро. Периодически он тихонько всхлипывал и утирал нос рукавом рубашки. Мальчик был явно деморализован и застигнут врасплох. Его мы сразу узнали: он жил в моем доме через один подъезд. В это время толпа пристально смотрела на него, явно чего-то от мальчика ожидая. Вдруг одна из девочек вышла немного вперед и произнесла не терпящим возражения, приказным тоном: «Так, или ты сейчас снимаешь штаны или целуешь ее!» Палец указывал на девочку, которая стояла рядом. Девочка зарделась румянцем и отвела смущенный взгляд в сторону. Было видно, что она совсем не против быть обцелованной и именно из-за нее это мероприятие и было затеяно. Мальчик тем временем не шелохнулся, стоял так же неподвижно, только еще более понуро. Некоторое время подождав, что он примет все-таки из двух ему предложенных, какое-нибудь решение, девочка с голосом командира произнесла: «Ну, что?! Будешь ее целовать?!» «Не дождавись ответа, она приказала: «Тогда снимай штаны!» Девочка, которая должна была быть целованной, немного погрузнела. Теперь вид ее был немного разочарованным, но в глазах теплился проблеск надежды! Страх бедного мальчика потихоньку начал передаваться и нам. Славик начинал нервно ерзать, предвкушая нехорошее. Над мусоркой нависла звонкая, зловещая тишина. «Надо, что-то делать,» – прошептал я Славику. «Надо позвать кого-нибудь из старших,» – прошелестел он в ответ. Сами мы не рискнули ввязаться в эту историю, так как были слишком малы и не обладали необходимым авторитетом для решения данной проблемы, но судьба мальчика, который попал в ручки дерзких девочек, нас тоже не могла оставить безучастными. «Побежали, посмотрим, может, во дворе есть кто-то из старших ребят,» – предложил я. И мы стали как можно тише пробираться сквозь кусты в сторону дома. Миновав кусты, мы кинулись бежать со всех ног, пока не прибежали во двор. К великой нашей радости, мы сразу же обнаружили парня, который был уже совершенно в преклонном, в нашем понимании, возрасте, лет пятнадцати. Заприметив меня, он весело поздоровался: «Здорова, Кит». Почему-то он меня всегда так называл, наверное, ему было лень произносить мое имя Никита полностью и он сократил его до трех букв. У него была приятная внешность, открытая улыбка на всегда беззаботном лице и спортивная фигура. Движения его своей уверенностью напоминали повадки милиционера, разве что только очень довольного собой! Мы сходу, сбивчиво, перебивая друг друга, стали обрисовывать сложившуюся проблему. У парня лицо все больше

и больше расплывалось в улыбке. Он с энтузиазмом последовал нашему предложению разобратся с девчонками. Было видно, что выданная информация его явно заинтересовала. Мы направились в сторону «голгофы». Теперь мы уже шли по дороге, а не пробирались через лес и через какую-то минуту уже оказались на месте происшествия. Картина на мусорке за три-четыре минуты нашего отсутствия совершенно не изменилась. Мальчик стоял в штанах, и, явно, ни одна из девочек не была им целована. Девочки, а особенно девочка-командир, были на грани потери самообладания. Мы со Славиком из-за своей скромности и на всякий случай, чтобы девочки не заметили, предпочли остаться за ограждением и наблюдать за происходящим из своего прежнего укрытия. «Хватит мучить пацана, а то он, видите, скоро описается от страха!» – произнес, подходя к неугомонным «фуриям», парень – милиционер». Тот действительно был уже на грани непроизвольного мочеиспускания. Девочки, явно не ожидавшие появления посторонних, немного испугались, явно смутились и спешно стали покидать место преступления так же кучно, как и стояли, в своей спешке напоминая молоденьких, напуганных хищником цыпочек. «А ты чего реवेशь, что, от девчонок отвязаться не мог что-ли?» – обратился он к спасенному с неизменной улыбкой. Тот ни говоря ни слова, всхлипывая и утирая рукавом соплю, держа в левой руке ведро, отвернулся и медленно поплелся в сторону дома. Мы смотрели на его жалкую, словно растекшуюся фигуру с безвольно болтающимся в руке ведром, пока она не скрылась за деревьями. Парня-спасителя и след простыл. За происходящим мы и не заметили, как стало смеркаться. Деревья начинали отбрасывать зловещие тени, падающие листья очертаниями напоминали летучих мышей. В лесу становилось неуютно, сыро и прохладно. «Что-то мы загулялись, я ведь обещал родокам прийти пораньше, блин, влететь может! Ладно, я побежал!» – сказал Славик. Мы попрощались, он поправил очки указательным пальцем и потрусил к себе во двор. Я направился к себе. Шел и думал, что бы все-таки произошло с несчастным мальчиком, если бы не появились мы —этакие Робин Гуды? Даже жутко и представить!» На душе было спокойно и хорошо.

Я уже представлял, как меня встретит мама, как я буду купаться в теплой ванне, и по телу разбегались многочисленные стаи мурашек.

Брат

Его привезли домой из роддома в зимний, морозный, солнечный день, и с этого дня моя жизнь изменилась. Когда мои родители появились на пороге, на руках у отца был

большой сверток из одеяла и пеленок, перевязанный синим бантом, в который был завернут мой новоиспеченный брат. Папа с мамой тихонько разулись, чтобы ни разбудить содержимое свертка и подошли ко мне. Я осторожно, стараясь даже дышать тише, заглянул внутрь. Мой брат спал, лицо у него было красного цвета и сморщено, как у старичка. Я еще никогда не видел такого маленького носика, рта, не больше копеечки. Бровей у этого старичка практически не было. Хотя я и видел его первый раз, но он мне был уже очень родным и любимым, я даже не успел осознать, в какой миг это могло случиться. Рядом бесновался мой молодой пес, он радовался приходу хозяев, не осознавая, что его жизнь с этого момента тоже поменялась. Грей кружился вокруг родителей, энергично виляя от своей собачьей радости обрубленным хвостом, пытаясь лизнуть кого-нибудь из них в руку или хотя бы за одежду. При этом он поскуливал и повизгивал, выражая тем самым свою радость. Так как его проявления чувств могли разбудить моего брата, отец приглушенно прикрикнул на него «Грей, а ну, пошел отсюда!». Явно не ожидая такой встречи, он удивленно отошел в сторону, описав при этом круг. Находясь, в некотором удалении, он продолжал повиливать хвостом и радоваться, но уже не так решительно, явно не понимая, что происходит. Раздевшись, мама с папой перенесли брата в комнату, где начали осторожно раздевать его. Сначала распутали голубой бант, потом начали избавляться от многочисленных простыней и одеяла. Так моему взору предстали ножки и ручки. Они были все в складочках, как у очень толстого человека, и тоже красные. Ножки были кривенькими, как два рогалика. Пальчики оказались настолько малы, что, казалось, просвечивались на дневном свете, словно восковые. Рядом со мной стоял мой пес, пребывая в полубморочном состоянии от увиденного. Он явно не понимал, что происходит и откуда взялось это сморщено-красное существо. Вдруг существо зашевелилось, закрутило головкой и пикнуло недовольно. «Его надо покормить,» – сказала моя мама и выгнала нас с Греем из комнаты. Я пошел на кухню, пес обреченно проследовал за мной. Я потрепал его по курчавой голове, а он посмотрел на меня недоумевающим, растерянным взглядом, словно пытался у меня узнать, откуда взялся этот новый человек в нашей семье. Нового человека назвали Алешей. Покормив и уложив брата в детской кроватке спать, родители, закрыли к нему дверь в комнату. Мне жутко хотелось посмотреть на него еще раз, и я попросил разрешения у родителей войти в комнату, где он спал. «Пусть покрепче уснет, потом посмотришь,» – сказала мама. «А можно когда он проснется, я его из бутылочки покормлю?» – спросил я. Мама улыбнулась и сказала: «Рано его еще из бутылочки кормить, это чуть позже». А чуть позже я ходил каждый день после школы, как на работу, на «молочную кухню» за детским творогом с молоком, на которых мой брат рос, как на дрожжах. Щеки надувались, наливались здоровым, розовым румянцем, животик становился похожим на маленький барабанчик, ножки и ручки наливались детским салъцем. К годикам он был похож на эдакого маленького, симпатичного, крепенького мужичка. Несчастный Грей терпел все его проделки, относясь к ним с терпеливой снисходительностью. Брат учился ходить, держась за шерсть пса, или просто вис ради удовольствия на его морде, что тот опять же мужественно терпел, иногда робко и обреченно порывкая. Были для него, правда, и свои плюсы. Грей мог запросто слопать какую-нибудь печенюшку или конфетку из рук зазевавшегося брата, не упуская ни малейшего удобного случая, чем приводил его в жуткий восторг, а иногда, доводя, напротив, до слез. Таким образом, дневное довольствие Грея немного увеличилось.

К полутора годам брат переселился в мою комнату. Ночами бывало, что он частенько плакал и я вставал, чтобы покачать его. Обычно причиной его плача была мокрая постель. Тогда я

менял ему подгузник и клал к себе в кровать, после чего я и он мгновенно засыпали. Частенько утром, проведя полночи с ним в кровати, я просыпался мокрым, так как Леша «ходил» в туалет не только один раз и делал это, как ему было удобно, под меня. Мою жизнь облегчило появление в нашей стране «памперсов», тогда ночей без сюрпризов стало значительно больше. Чтобы он лучше засыпал, мама купила ему музыкальную уточку. Это была мягкая игрушка с музыкальным механизмом внутри, который приводился в действие веревочкой, за которую нужно было тянуть. Перед тем как пойти в кровать, он дергал за эту веревочку и из уточки лилась добрая, тихая, усыпляющая колыбельная. Прослушав пару раз мелодию, малыш успокаивался, глаза делались тяжелыми, мечтательными, и вскоре он засыпал, прижимая игрушку к щеке. Иногда Леша просыпался от того, что мелодия прекращала играть. Он хлопал своими круглым, карими глазками. Тогда я заводил игрушку еще раз и пальцами закрывал ему веки, но через пару мгновений они опять приоткрывались, обнажая туманный взгляд, тогда я снова осторожно закрывал их. Эта борьба могла продолжаться несколько минут, но сон всегда брал свое. Во сне, как принято считать, дети растут быстрее.

Вскоре он вырос настолько, что пришло время идти в садик, а потом как-то совсем незаметно и в школу, но мне все же почему-то он до сих пор снится только маленьким. Во сне я чувствую запах наглаженных пеленок и его сладкий, молочный младенческий запах.

Летний день

Был знойный июльский день, От жары звенело в воздухе. Она утомляла и не оставляла совершенно никаких сил и настроения для работы. Недолго мучаясь угрызениями совести, мы с братом собрались на озеро, которое было километрах в двух от нашей деревни. Выгнали автомобиль брата за ворота и помчались на нем купаться. Дорога была ухабистая и из-за отсутствия дождя невозможно пыльная. Вскоре наш автомобиль, так как у него были открыты окна, стал больше похож на пылесос, а мы сидящими внутри него. Закрыть окна тоже не представлялось возможным из-за опасности получения теплового удара внутри автомобиля, но минуты через 3 мы выехали на асфальтированную дорогу, и пыль исчезла, оставив на панели приборов коричнево-серый слой. По асфальту мы долетели за считанные секунды до пляжа, на котором уже проводило досуг немалое количество деревенских жителей. Многие мужчины купались в семейных трусах совершенно немыслимой формы и расцветки, но это их ни капельки не смущало, так как мало кто из них был трезв. Женщины же, напротив, были в основном трезвы и в соответствующей общественным купальным процедурам одежде. Причем, как я заметил, все мужчины были поджары, а женщины, даже еще относительно молодые, имели тучные формы. У озера мы встретили знакомую молодежную компанию и пристроились рядом с ней. Компания попивала дешевое пиво из больших пластиковых бутылок и из такой же бутылки, какую-то сероватую, мутную, жидкость, которой оказалась брага. Компания уже была в развязано-веселом состоянии и разговаривала, преимущественно употребляя матерные слова, так что смысл разговора я не совсем мог уловить (если он вообще был). Причем радость, обида, раздражение и другие проявления каких-либо эмоций выражались примерно одинаково, иногда изменяя тональность, где самым приличным словом было «сука», которое служило для связи одного предложения с другим. Мы поздоровались со всеми за руку, нам тут же был предложен «древнерусский напиток-брага» и пиво, от которых мы отказались. Мы пристроились рядом со всеми на своих полотенцах. Скинув с себя шорты и оставшись в купальных плавках, мы лениво побрели к воде. Зайдя в воду по пояс, мы с братом нырнули. Вода обожгла мою кожу приятной прохладой, в теле появилась бодрость, и захотелось плыть, ритмично работая всеми конечностями. Сделав еще пару нырков, я поплыл ближе к берегу. Около берега в воде виднелась фигура моего брата, который был похож на ленивого тюленя. Он, смешно лежа в воде, опускал лицо в нее, набирал в рот воды и струей выпускал её изо рта. Доплыв до него, я лег рядом и стал делать то же самое. Только я скорее был похож на мокрого суслика, а не на тюленя, так как братец был намного крупнее меня. Вскоре я замерз и вылез на берег, вытерся полотенцем и лег на него. Подошел и братец, поблескивая на солнце загорелым, большим, гладким и мокрым телом, картину только портили его купальные плавки, из которых он вырос еще лет десять тому назад и которые врезались в его тело, до неприличия облекая его. Так что картина была с налетом легкого эротизма.

Компания в это время резалась в карты в дурочка, задорно поругиваясь между собой и потягивая уже отнюдь не холодные напитки. Я лежал на животе, пытаюсь вставить пойманному мной оводу соломинку в зад. Вообще оводов этим летом было почему-то особенно много, они досаждали своими подлыми укусами и омерзительным жужжанием, а ещё они постоянно липли к телу. Так что, поймав одного, я решил отыграться на нем, за все причиненные его гадским родом мне неудобства. Вставив этой скотине соломинку в нужное место, я отпустил овода и тот медленно и натужно полетел в сторону водоёма, куда впоследствии и рухнул, доставив мне тем самым огромное удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.